

Эспен Итреберг

Сердце-Камень

История о Ните Какот Амундсен,
Камилле Карпендейл
и Руале Амундсене

Эспен Итреберг

**Сердце-Камень. История о
Ните Какот Амундсен, Камилле
Карпендейл и Руале Амундсене**

«Паулсен»

2018

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)

Итреберг Э.

Сердце-Камень. История о Ните Какот Амундсен, Камилле Карпендейл и Руале Амундсене / Э. Итреберг — «Паулсен», 2018

ISBN 978-5-98797-329-5

Руал Амундсен, великий норвежский путешественник, первым покорил Южный полюс, первым совершил трансарктический перелет Шпицберген — Северный полюс — Аляска, первым (с тремя зимовками!) преодолел с востока на запад Северо-Западный проход. Вылетел на поиски потерпевшего крушение дирижабля «Италия» на гидросамолете и — не вернулся, бесследно исчезнув в холодных арктических водах... Такого Амундсена знают все. Однако в его биографии есть не столь известный широкой публике факт — история удочерения им двух чукотских девочек, Ниты Какот и Камиллы Карпендейл. О жизненном пути Ниты и Камиллы, о том, как их судьба причудливым образом переплелась с судьбой самого Амундсена, о причинах, по которым ему пришлось вернуть девочек на родину, — рассказывает эта книга. Автор основывается не только на документальных источниках, но и на личных впечатлениях от поездки по тем местам, где жили девочки во время своих странствий. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)

ISBN 978-5-98797-329-5

© Итреберг Э., 2018

© Паулсен, 2018

Содержание

«Наполеон полярных стран»	7
Пролог	9
Часть 1	10
Мыс Сердце-Камень	10
Амундсен	14
Нита	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эспен Итреберг
Сердце-Камень
История о Ните Какот Амундсен,
Камилле Карпендейл и Руале Амундсене

Espen Ytreberg

Kapp Hjertestein

Historien om Nita Kakot Amundsen, Camilla Carpendale og Roald Amundsen

*** * ***

© 2018 by Forlaget Press. Published in agreement with NORTERN STORIES. (All rights reserved)

© ООО «Паулсен», 2022

«Наполеон полярных стран»

Так назвал Амундсена британский журналист Роланд Хантфорд, автор биографий известных полярных исследователей, член Королевского литературного общества.

Руал Энгельбрегт Гравнинг Амундсен жил если не в эпоху великих географических открытий, то точно в эпоху великих путешествий. Адольф Эрик Норденшёльд, Роберт Пири, Фритьоф Нансен, Фредерик Кук, Роберт Скотт, Эрнест Шеклтон... Руал Амундсен был самым младшим из этой плеяды знаменитых полярных исследователей и стремился покорить те вершины, которые не смогли – или не успели – покорить они. Он хотел быть только первым, и это ему удавалось.

1903–1906 гг. – экспедиция на «Йоа». Амундсен первым прошел Северо-Западным проходом от Гренландии к Аляске.

1910–1912 гг. – антарктическая экспедиция на «Фраме». 14 декабря 1911 г. Амундсен первым покорил Южный полюс, на месяц опередив Роберта Скотта.

1918–1920 гг. – плавание Северо-Восточным проходом на «Мод». Амундсен стал первым полярным «кругосветчиком», замкнув Северо-Восточный и Северо-Западный проходы.

1926 г. – первый воздушный перелет через Северный полюс на дирижабле «Норвегия» по маршруту Шпицберген – Аляска.

Перечисленные этапы жизни Амундсена широко известны, о них писал он сам, в частности в книгах «Южный полюс», «Моя жизнь», «Плавание Северо-Западным проходом на судне „Йоа“», «На корабле „Мод“». Экспедиция вдоль северного побережья Азии» и других.

Однако одна из необычных страниц его жизни не была столь ярко описана самим Амундсеном. Началось все во время третьей зимовки шхуны «Мод» у мыса Сердце-Камень, на северо-восточном побережье Чукотского полуострова.

Неудачи преследовали Амундсена во время этой экспедиции постоянно: уже в первую зимовку он упал с борта судна на лед, получив двойной перелом левой руки; спустя полтора месяца на него напала медведица и серьезно повредила спину; в довершение всего он отравился угарным газом, и начались проблемы с сердцем. Конфликты в команде, иногда грозящие перерасти в бунт; возраст, дающий о себе знать; осознание того, что цель экспедиции – трансполярный дрейф от Берингова пролива до Шпицбергена через Северный полюс – очевидно недостижима, и (кто знает?) предчувствие собственного банкротства (а оно наступило в 1924 г.) – приводили героического полярника в уныние, если не сказать в отчаяние, и навевали мысли о смерти.

Амундсен не был женат, не имел семьи и детей, свои немногочисленные связи с женщинами никогда не афишировал. Он был скрытен и одинок, родственные отношения поддерживал лишь с братом Леоном, который долгие годы вел финансовые дела Руала, – но и с ним рассорился после банкротства. Одиночество Амундсена продолжалось и на «Мод»: на зимовках он дистанцировался от экипажа, проводя время в своей каюте за чтением или письмом и размышляя о преимуществах воздушных экспедиций перед морскими.

В третью зимовку «Мод» у мыса Сердце-Камень на борту шхуны появляются трехлетняя чукотская девочка Нита, а спустя несколько месяцев – одиннадцатилетняя Камилла, дочь чукчанки и австралийца. И каменное сердце одинокого полярника дрогнуло. Всю свою нерастраченную любовь и тщательно скрываемые чувства он обратил на девочек. По сути, следующие три года его жизни, до возвращения Ниты Какот Амундсен и Камиллы Карпендейл на родину были наполнены заботами о них: сначала надо было одеть, накормить, избавить от болезней, затем показать им мир, о существовании которого они не догадывались, с его огромными домами, пароходами, автомобилями, кинотеатрами, мир, сверкающий огнями и манящий магазинами неведомых им ранее игрушек, одежды и еды. И наконец он хотел поселить

их в своей усадьбе в Ураниенборге неподалеку от Осло, в окружении заботливых и любящих людей, и дать им образование¹.

Но надо знать Амундсена: вся его жизнь – это стремление к новым рекордам, на организацию которых нужны деньги; следовательно, надо разъезжать по свету, читая лекции о своих предыдущих путешествиях и привлекая потенциальных спонсоров. И тут Камилла и Нита пришлось как нельзя кстати: неослабевающий интерес к этим «экзотическим существам» со стороны прессы поднимал и его популярность – нехитрый пиар-ход. Девочки были очень привязаны к своему «папе», и кто знает, сколько еще продлились бы эти отношения, не стань Амундсен банкротом. Не имея больше финансовых возможностей содержать Ниту и Камиллу, он отправил их в Америку, откуда они сложными путями добрались до Чукотки.

Многие и тогда, и впоследствии упрекали Амундсена за этот поступок – он оправдывался, нередко сам себе противореча: в одних интервью говорил, что не мог больше обеспечивать жизнь девочек в Норвегии, в других ссылался на некий эксперимент, который он провел с представителями коренного населения, привезя их в Норвегию и доказав, что они ничем не отличаются от европейцев по уровню своего развития. После возвращения детей на родину Амундсен практически потерял их из виду: «Я бы очень хотел встретиться с ними снова...», – говорил он в одном из интервью. Эта встреча – последняя – состоялась в 1927 г. во время очередного лекционного турне Амундсена по Америке, где в то время учились Нита с Камиллой. Девочки очень тосковали по Норвегии и, видимо, просили своего «папу» отправить их обратно, в Ураниенборг. Но Амундсен был непреклонен: им надо учиться, а он будет, как всегда, путешествовать.

Вся эта личная, весьма сложная и противоречивая история – двух детей и взрослого, всемирно известного полярника – стала предметом интереса известного норвежского автора и исследователя жизни Р. Амундсена Эспена Итреберга. Сегодня и русскоязычные читатели могут познакомиться с ней и ответить на вопрос: все же сердце – камень?

¹ Фактическая информация о путешествии отца и маленькой девочки по побережью, а также о состоянии девочки взята из следующих источников: Harald Ulrik Sverdrup, *Tre aar i isen med Maud – Med et tillæg om en slædereise rundt tsjuktsjerhalvøen*. Oslo: Gyldendal, 1926 [Sverdrup 1926: 19 и далее] (в русском переводе: Харальд Ульрик Свердруп, Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930); Roald Amundsen, *Mitt liv som polarforsker*. Oslo: Gyldendal, 1927 [Amundsen 1927: 93–94] (в русском переводе: Амундсен, Руал. Моя жизнь. Южный полюс. М., 2019).

Пролог Семейная фотография

*И пусть этот жестокий мир, угловатый в беду,
Мчит вслед за будущим в неудержимом ходу.
И пусть, как слезы, вино течет порой через край,
Мы в нужный час предстанем перед вратами в рай.*

Гиллиан Уэлч. Тяжелые времена²

Три человека фотографии стоят близко друг к другу, будто члены одной семьи. Однако внешность у них слишком разная, и вряд ли они родственники. Несколько лет, в период между двумя мировыми войнами, жизни Руала Амундсена, Камиллы Карпендейл и Ниты Какот Амундсен переплетались между собой. Эта книга – история о силах, которые сначала свели, а потом разъединили их.

На снимке 1922 года фотограф сделал Амундсена центральной фигурой, а девочек – второстепенными. В нашем повествовании ракурс немного изменен: в центре внимания находятся Нита и Камилла. Книга основана в первую очередь на исторических источниках, ссылки на которые есть в конце книги, а также на личных впечатлениях автора во время путешествий по местам, где девочки жили.

² Пер. с английского А. Богомазова. – Прим. пер.

Часть 1

Передача под ответственность

Мыс Сердце-Камень

Путешествие началось – для Ниты все вокруг пришло в движение. По небу проплывали серые кучевые облака, по льду со скрипом двигались нарты. Ните было три или четыре года, она лежала в мешке с завязками, сшитом из оленьих шкур – белой, коричневой и серой. Ее отец Какот тянул нарты против ветра по берегу Северного Ледовитого океана. Мать умерла, вероятно, на первом году жизни Ниты. Чукчи обычно путешествуют на нартах, запряженных собаками. Какот, возможно, был беден, поскольку тащил нарты сам. У нас очень мало достоверной информации о том периоде, но самое главное, что мы знаем, – Нита была там, на нартах, закутанная в потертые оленьи шкуры и страдающая от холода. При каждом ее выдохе в арктический зимний воздух мир то размывался, то постепенно становился четче, словно ветер или волна набегали порывами и отступали, а при моргании белая пушистая изморозь на ресницах обжигала кожу под глазами.

Зимой на побережье Чукотки всегда ветрено. Какое-то время с океана дует умеренный ветер, как вдруг резкий его порыв... и начинается буря – такая, что и выпрямиться сложно. Ветер заставляет зажмуривать веки, косой дождь со снегом забивается в рот, глаза, под одежду, утяжеляя ее. У тех, кто управляет нартами, трудная работа, но, по крайней мере, им не холодно. Дети, лежащие на нартах в меховом мешке, защищены от бури, но уязвимы для мороза.

Едешь день за днем, нарты равномерно скользят, снег и лед поскрипывают под полозьями... Время растекается по горам, которые понижаются при приближении к берегу и сливаются со льдами океана в единое белое пространство – не различить, суша это или море. Лежащий в нартах может потерять ощущение времени. Ему кажется, что он закрыл глаза лишь на минуту, а на самом деле проспал целый день.

Вот на фотографии Нита спустя несколько месяцев, но тоже спящая³.

³ Фотография: Нита спит в каюте Амундсена, 1921 г. Неизв. фотограф. Национальная библиотека (НБ) NPRA 3030, архив фотографий Руала Амундсена.

Нита спит в каюте Амундсена на «Мод». 1921 г.

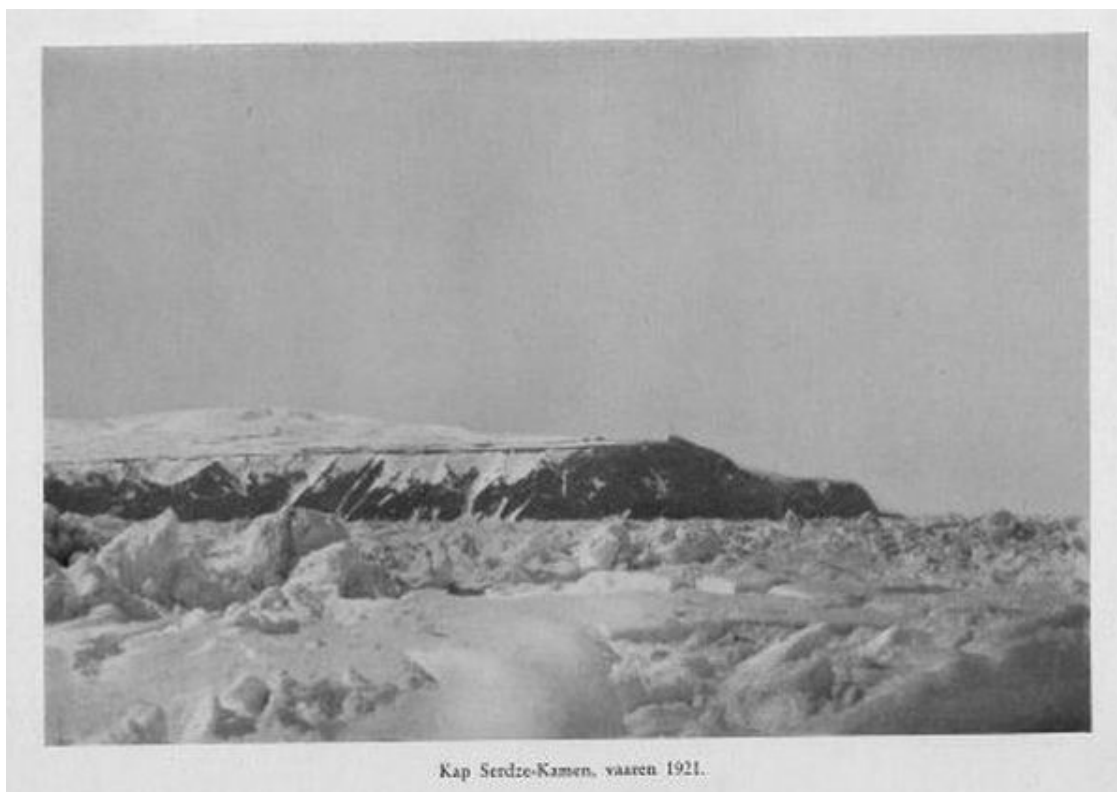
Вероятно, Какот был родом из поселка Нешкан⁴, расположенного недалеко от самой восточной точки Сибири. Здесь же умерла мать девочки. Летом 1920 года Какот с дочерью с разрешения своих родственников остался на некоторое время в их семейной яранге на берегу моря. В середине декабря того же года, оставив Ниту, он отправился на поиски работы и встретил один из кораблей, которые время от времени проходили вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Этот корабль назывался «Мод», команда его состояла из норвежцев, а руководил ею Руал Амундсен. Какота наняли на корабль. Его с дочерью предыстория нам известна, поскольку она попала в отчеты норвежской команды, которые позднее были опубликованы.

В то время «Мод» вмерзла в лед в небольшой бухте у пологой горы, вдающейся в море и образующей мыс. Именно здесь побережье обрывается в сторону Берингова пролива, отделяющего Евразийский континент от Североамериканского. Несколько месяцев спустя один из норвежцев сделал снимок мыса – черной скалы, уходящей в море. Он похож на большое тихое морское существо, наполовину поднявшееся на поверхность, наполовину скрытое льдом. По-русски мыс называется Сердце-Камень (и под этим именем нанесен на карты), а по-норвежски – Капп Йертестайн (*Kapp Hjertestein*)⁶. Фотография была сделана ранней весной, и, хотя море уже вскрылось ото льда, пролив все еще забит льдинами⁷.

⁴ Автор привязывает место рождения и первых лет жизни Ниты к современному поселку Нешкан на побережье Чукотского моря, основанному в середине 1950-х годов путем объединения мелких оленеводческих хозяйств. См. также Примечания в конце книги. – *Прим. пер.*

⁵ Сведения о том, что Какот происходит из Нешкана, можно найти в автобиографии художника А. А. Яковлева, см: Интернет-источник, URL: <http://odynoki.livejournal.com/2424786.html> (дата публикации: 16.07.2016, дата обращения: 28.05.2018). Информация несколько сомнительна, поскольку в газетной статье за 1943 г. местечко Ванкарем, к западу от Нешкана, упоминалось как место рождения Ниты (см.: *Toronto Star* от 26.10.1943). Амундсен предположил в дневнике (запись от 19.02.1921), что мать Ниты умерла пятью годами ранее, то есть на первом году жизни Ниты.

⁶ Чукотское название мыса – *Пыттылгыяцраквын* («отдельный камень на конце вытянувшегося мыса»). Мыс был открыт в 1728 г. Витусом Берингом и по итогам его экспедиции был ошибочно назван Сердце-Камень: на самом деле форму сердца имел мыс, находившийся гораздо южнее. Позже Д. Кук закрепил это название на карте, хотя и высказывал сомнения в его правомерности.

Мыс Сердце-Камень. Весна 1921 г.

В это же время, почти через четыре месяца после того, как Какот и Нита добрались до «Мод», Камиллу, дочь чукотской женщины и австралийца, везли на нартах вдоль того же берега – и тоже на «Мод». Ей скоро должно было исполниться двенадцать лет, то есть она была приблизительно на семь лет старше Ниты. Недавно Камилла попрощалась со своими родителями и по соглашению между Амундсеном и ее родным отцом отправилась на корабль. В то время она не знала ни Амундсена, ни Ниты, ни членов экипажа «Мод»⁷.

Камилла была достаточно взрослой – она ехала на нартах сидя и смотрела вокруг. Рельеф побережья Северного Ледовитого океана – это горы, похожие на мыс Сердце-Камень, к югу переходящие в бесконечно плоскую тундру. Океан – необозримый, от побережья и до горизонта, стального цвета, редко отливающий в синеву. В этих местах нет деревьев. Признаки жизни заметны только на снегу – это следы птиц, животных или полозьев нартов.

Своеобразие плоским ландшафтам северо-восточного побережья Чукотки придают длинные и узкие песчаные косы, параллельные суше и отделенные от нее лагунами. На косы почти всегда накатываются волны, их все время обдувает ветер с моря⁹.

⁷ Фотография: Мыс Сердце-Камень, весна 1921 г. Фотограф: Харальд Ульрик Свердруп [Sverdrup 1926: 216].

⁸ Информация о путешествии Камиллы вдоль побережья на «Мод» взята из «Дневника» Руала Амундсена. Ркп. 4 1546, 1920–21, запись от 19.04.1921. Частный архив, НБ.

⁹ Кадр с песчаной косой море у побережья Чукотки, 1,17'55" взят из «С „Мод“ через Северный Ледовитый океан». Национальная библиотека, DVD «Экспедиция Руала Амундсена на „Мод“ 1922–1925 гг.». Описания в частях 1 и 4 этой книги песчаных кос и лагун на северо-востоке Чукотки (в первую очередь, отрезок от Уэлена до Нешкана) основан на работе: Ruben Kosyan (red.), *The Diversity of Russian Estuaries and Lagoons Exposed to Human Influence*. Springer, 2016 [Kosyan 2016: 47 и далее], а также на современных фотографиях, см.: Интернет-источник, URL: <http://wikimapia.org/6814893/Uelen#/photo/5826383> (дата публикации: неизв., дата обращения: 09.04.2018) и Интернет-источник, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wU4gQp9Tvg0> (дата публикации: 21.02.2017, дата обращения: 09.04.2018).

Песчаная коса у побережья Чукотки

Изображение оконечности одной из таких кос взято из фильма, снятого через несколько лет после описываемых нами событий. Слева от косы – океан, справа – лагуна. Здесь сходятся земля, море и небо. Единственная опора для ног – светло-серый песок, смешанный с тысячами маленьких обломков стволов деревьев, давным-давно выброшенных великими сибирскими реками в океан.

Это незащищенные и небезопасные для стоянки места. Людям здесь негде укрыться от волн и ветра. Но в редких случаях, обычно летом, когда стихает ветер, небо проясняется, все расстояния кажутся намного меньше, чем они есть на самом деле. С песчаных кос открывается вид на океан: на север, в сторону полюса, и на восток, через Берингов пролив в сторону Американского континента. А если подняться на мыс Сердце-Камень или на любую другую гору на побережье Чукотки, то можно увидеть тундру, простирающуюся далеко на запад, через Россию и Финляндию в Норвегию.

Амундсен

Европейцам, путешествующим из Финнмарка¹⁰ Северо-Восточным проходом к Берингову проливу, побережье Северного Ледовитого океана казалось безлюдным и однообразным. Земля по правому борту – плоская, покрытая льдом. Тундра простиралась от горизонта до горизонта. «Это вход в причудливые бескрайние равнины Азии, – писал Фритъоф Нансен о своем первом впечатлении от побережья Северного Ледовитого океана, – столь непохожие на все, к чему мы привыкли»¹¹.

Тем не менее европейцы приходили и приходили сюда на протяжении веков. Имена Виллема Баренца, Витуса Беринга, Эрика Норденшёльда, Фердинанда Врангеля теперь встречаются в названиях островов, гор, заливов и проливов этой огромной части мира. С конца XIX века исследование Северо-Восточного прохода возглавили норвежцы. Сначала Фритъоф Нансен отправился по этому пути на корабле «Фрам». В 1893 году он дошел до Чукотки, откуда корабль дрейфовал вместе со льдом на север через океан. В 1918 году Руал Амундсен с командой из девяти человек отправился на восток тем же путем на шхуне «Мод». Их задача заключалась в том, чтобы пройти на восток хотя бы так же далеко, как это удалось Нансену, и достичь точки, откуда дрейф льда приведет их прямо к Северному полюсу. «Мод» покинула Вардø 18 июля 1918 года, обогнула Кольский полуостров и отправилась вдоль побережья России. Амундсен ставил своей задачей достичь Северного полюса, провести научные изыскания и, возможно, открыть новые земли.

Постоянной угрозой для экспедиции на «Мод» был лед – судно в любой момент могло в него вмерзнуть. В Северном Ледовитом океане сезон открытой воды был ограничен непродолжительным летом. Но и тогда не было окончательно понятно, где находится лед и как он движется. В лучшем случае он оставался в открытом океане, и корабль мог идти вдоль северной границы Азиатского континента. В худшем – лед начинался от берега и простирался дальше за горизонт, так что проход оказывался полностью закрыт. Поэтому при плавании Северо-Восточным проходом особое внимание всегда уделяется температуре и другим погодным условиям, которые постоянно меняются: от тумана, сильного снегопада и ветра до ясной погоды. Трудно понять, замерзнет ли все вокруг в абсолютной тишине или начнет ломаться – в следующую секунду, или через час, или через неделю, или через зиму. Экипаж всегда должен обращать внимание на то, как трещит лед, постоянно следить за береговой линией, вслушиваться, даже во сне – усиливается ли ветер или стихает.

Через неделю «Мод» достигла пролива между материком и Новой Землей (пролив Югорский Шар. – *Ред.*). Вокруг судна на воде покачивались льдины. Несколько дней «Мод» шла между ними, они постепенно смыкались, превращаясь в сплошной ледяной покров с полыньями. Ясным июльским утром 1918 года членам экипажа стало понятно, что дорогу им впервые преградил плотный лед, занявший все пространство от Южного острова Новой Земли до низкого берега материка.

¹⁰ Финнмарк – до 2020 г. самая северная и самая крупная административно-территориальная единица (фюльке) Норвегии. 1 января 2020 г. объединена с фюльке Тромс, образовав фюльке Тромс-ог-Финнмарк со столицей Вадсё.

¹¹ «Это вход...» – см.: Fridtjof Nansen, *Over Grønland og Polhavet*. Oslo, Aschehoug & Co 1932 [Nansen 1932: 82]. Описание экспедиции по Северо-Восточному проходу до января 1921 г. основано на следующих источниках: Roald Amundsen, *Nordostpassagen*. Kristiania: Gyldendalske boghandel, 1921 [Amundsen 1921] (в русском переводе: Амундсен Р. На корабле «Мод». Экспедиция вдоль Северного побережья Азии, М.-Л., 1929) или Северо-Восточный проход. Путешествие на «Мод» вдоль побережья Азии 1918–1920; дневники Амундсена 1920–1921 гг. [Amundsen 1920–21]; Tor Bomann-Larsen, *Roald Amundsen. En biografi*. Oslo: Cappelen Damm, 2011 [Bomann-Larsen 2011: 195 и далее] (в русском переводе: Буманн-Ларсен Т. Амундсен, серия: ЖЗЛ, М., 2005); Alexander Wisting, *Roald Amundsen – Det største eventyret. En biografi*. Oslo: Kagge, 2011 [Wisting 2011: 279 и далее].

Информацию о ледовой обстановке Руал Амундсен получал по телеграфу. Телеграфная станция на суше ежедневно принимала данные от станций, расположенных дальше на восток вдоль побережья Северного Ледовитого океана. И эти данные говорили о том, что дальше на восток льда нет. Телеграф для Амундсена и других норвежцев был не просто источником сведений о состоянии льда. Он позволял контролировать экстремальные природные явления. Он обеспечивал практически в реальном времени контакты между людьми, которые находились бесконечно далеко друг от друга. Сигнал от станций бежал по бескрайним просторам Сибири почти так же быстро, как и человеческая мысль. Лед сковал огромные пространства, сделав людей заложниками огромных расстояний. Телеграф же стирал эти расстояния, позволяя людям с молниеносной скоростью и без усилий обмениваться информацией¹².

Но от одной телеграфной станции до другой было далеко, и между ними норвежцы находились во власти непредсказуемой сибирской погоды и тысячекилометровых пустынных пространств.

На следующий день экипаж проснулся, почувствовав, что ледяные массы движутся по проливу, – путь открылся. Льдины шипели и трещали, ритмично поднимались и опускались на больших медленных волнах. Команда быстро отдала швартовы, и судно зигзагами двинулось на восток через неглубокий пролив, маневрируя между льдинами и небольшими островками.

Меньше месяца «Мод» удавалось находить открытую воду. В середине сентября она крепко вмерзла в лед, и Амундсену пришлось отказаться от дальнейшего движения на восток. Экспедиция осталась на зимовку на мысе Челюскин, самой северной точке сибирского побережья. В следующем году ситуация повторилась – судно снова вмерзло всего через пару месяцев после начала движения. В 1920 году это произошло в третий раз, но норвежцам так и не удалось достичь района, который стал бы отправной точкой для дрейфа через Северный Ледовитый океан. Они приготовились к третьей зимовке у мыса Сердце-Камень.

Эта фотография сделана, вероятно, осенью 1920 года, в третью зимовку «Мод». Если телеграф – это связь с большим миром, то фотографии с судна дают представление о времени, застывшем во льду. Ледяной покров стирает грань между сушей и морем: сплошная поверхность начинается от линии побережья и уходит за горизонт. Человек на палубе судна напряженно всматривается вдаль в поисках свободного ото льда пути на север. Согласно архивной информации, на этой фотографии спиной к нам стоит Амундсен. Он смотрит на паковый лед, а одна из ездовых собак, которые были на «Мод», кажется, смотрит на него¹³.

¹² Аргумент о стирании времени и пространства обсуждается Джеймсом Кэри в главе «Технология и идеология: вопрос о телеграфе» в книге «Коммуникация как культура: эссе о СМИ и обществе», см.: Carey J., *Technology and ideology: The Case of the Telegraph // Communication as Culture: Essays on Media and Society*. London, Routledge 1992 [Carey 1992: 207]. Представленное в книге значение телеграфа основывается на этой работе.

¹³ Фотография: Руал Амундсен смотрит на лед с «Мод», 17.07.1920. Неизв. фотограф. НБ, NPRA 2071, архив фотографий Руала Амундсена.

Фото. Амундсен на палубе «Мод». 17 июля 1920 г.

* * *

До экспедиции на «Мод» карьера и слава Амундсена долго шли по крутой восходящей кривой. В 1906 году он вместе с экипажем «Йоа» первым прошел Северо-Западным проходом от Гудзонова залива через острова Канадского Арктического архипелага, вдоль северного побережья Канады до Аляски. В 1912 году Амундсен снискал себе поистине международную славу, первым покорив Южный полюс. Он стал всемирно известным первооткрывателем и получил признание за свой научный вклад; взять у него интервью мечтали все журналисты. Им гордилась недавно получившая независимость Норвегия – словом, Амундсен был идеалом, к которому надо стремиться.

Экспедиция на «Мод» вдоль северного побережья Сибири положила конец его успехам. В конце лета 1920 года Амундсен уже понял, что за три года плавания он так и не достиг предполагаемой отправной точки для дрейфа к Северному полюсу. Кроме того, с Амундсеном произошло несколько серьезных несчастных случаев. В конце сентября 1919 года он упал с трапа «Мод» на лед и сломал руку в нескольких местах. Через несколько недель на льдине на него напал белый медведь, сбил с ног и разордал до крови, прежде чем одна из собак отвлекла медведя, чтобы команда могла его застрелить. В декабре Амундсен отравился угарным газом в построенной им магнитной обсерватории – она была засыпана толстым слоем снега и освещалась внутри бензиновой лампой.

Оставшуюся часть зимы он боролся с болезнью сердца, учащенным пульсом и затрудненным дыханием. Вся жизнь Амундсен был сильным и выносливым человеком, уверенным в себе благодаря хорошей физической форме. Однако в 1919 году ему было 47 лет, и при больших нагрузках возраст уже давал о себе знать. В итоге Амундсен был совершенно выбит из колеи. До конца экспедиции его мучили проблемы с правой рукой, которая стала короче левой после перелома, с глубокими шрамами на спине от когтей белого медведя и с сердцем, которое то и дело шептало ему, что что-то не так.

Тем временем в экипаже нарастало недовольство. Предыдущие экспедиции Амундсена тоже не обходились без конфликтов. Но на этот раз объединяющее всех стремление достичь цели оказалось слабее тенденций к расколу. У команды было достаточно свободного времени, мало дел, чтобы его заполнить, и много алкоголя. Все это подогревало конфликт, члены экипажа все больше и больше действовали друг другу на нервы. Старшие в команде становились угрюмее и обиженнее, младшие – строптивее и грубее. Сам Амундсен по вечерам читал или писал в одиночестве, в то время как остальные проводили время вместе. В конце лета 1920 года стремление пересечь Северный Ледовитый океан все еще не оставляло его, но в письме домой своему брату Леону¹⁴ Амундсен выглядел деморализованным:

«Будь я здоров, я бы и внимания не обратил на все эти неприятности, но, увы, я чувствую себя так, что флору первому ехать дамой. Сердце у меня не работает как следует, а потому не позволяет мне много эскапад. Я держусь изо всех сил, стараюсь не терять мужества, однако, сам понимаешь, марос, отсутствие солнца и огромная ответственность скоро меня доконают»¹⁵.

В последние годы Амундсен начал писать на свой собственный манер, приближенный к устной речи. В какой-то мере это придавало интимности его дневникам и письмам друзьям. Тем не менее, такой способ изложения своих мыслей представляется не совсем корректным. Возможно, эта манера указывает на своеобразие Амундсена, его некоторую склонность не признавать общепринятые нормы. В то же время такой способ письма как бы приближает нас к нему, придает дополнительную эмоциональность текстам, где Амундсен откровенно пишет о себе.

В письме Леону Амундсен разоблачил некоторых своих внутренних «демонов»: потерю физической силы, отсутствие прогресса в экспедиции и жизни, потерю контроля над собой и другими, смерть, наконец. Годом ранее Амундсен был счастлив видеть чайку-моевку, летящую с юга, когда приближалось лето, и писал в книге «Северо-Восточный проход», что она «принесла жизнь в это царство смерти»¹⁶. За несколько лет до Амундсена другой знаменитый норвежец, Фритьоф Нансен, описал застревание в сибирских льдах как «позднюю смерть»¹⁷. На зимовках его часто одолевала мысль о бесконечности, тишине, запустении и однообразии существования.

Не только Нансен и Амундсен таким образом выражали свои личные представления о застое и предчувствии смерти. Западные писатели и первооткрыватели, описывая полярные регионы, тоже часто упоминали слабость, смерть и безумие. Однако они рассказывали также о преодолении сил природы и границ человеческих возможностей. Амундсен в это время, тем не менее, не только предавался мрачным мыслям о застое и смерти: он размышлял о новых формах передвижения на Севере. Еще в 1914 году он, первый норвежский гражданский человек, получил лицензию пилота. Зимой на «Мод» Амундсен начал рассматривать возможность замены судов и саней на самолеты и дирижабли. По воздуху можно преодолеть океаны и континенты за часы или дни, а не за месяцы и годы.

Какот нанялся на судно во время третьей зимовки «Мод», когда она вмерзла в лед в бухте прямо у мыса Сердце-Камень. Незадолго до начала 1920 года¹⁸ Какот получил разрешение на

¹⁴ Старший брат Амундсена, Леон, родился в 1870 г. Окончил коммерческую гимназию, в 1892 г. переехал во Францию, где занимался торговлей вином. С 1902 г. вел все дела Руала, был, по сути, его личным поверенным. Руал порвал отношения с братом в 1924 г., после своего банкротства.

¹⁵ «Если бы я сам...» – письмо Руала Леону Амундсену [Bomann-Larsen 2011: 280–281].

¹⁶ «принесла жизнь в это царство смерти» – см. [Amundsen 1921: 192].

¹⁷ «позднюю смерть» – см. [Nansen 1932: 313].

¹⁸ Так у автора. Ранее говорилось, что Какот отправился на поиски работы и был принят на «Мод» в декабре 1920 г.

несколько дней покинуть судно, чтобы вернуться в ярангу и забрать Ниту у своих родственников.

Нита

Мы не знаем точно, сколько времени Нита пробыла в яранге, но явно несколько месяцев – срок достаточный, чтобы маленький ребенок почувствовал себя как дома. Семейная яранга чукчей, живших на берегу моря, представляла собой маленький мир, в котором умещалось все самое важное для ребенка: еда, тепло и люди. Когда яранга прогревалась выше двадцати градусов, взрослые раздевались до пояса, а старшие дети могли ходить почти совсем голыми. Промерзший в дороге путник, с уставшими от яркого солнца и ослепительно белого снега глазами, входя в ярангу, оказывался во власти запаха дыма и человеческих тел, душка морских животных, который источали кипящие горшки с едой, желтого света жировых ламп и исходящего от них резкого запаха. В яранге царили жара и влажность, вызывая у людей кашель во сне¹⁹.

Контраст между сухим морозным воздухом улицы и влажной жарой яранги делал свое дело: чукотские дети то и дело простужались и шмыгали носом, а особо слабые серьезно заболели. А если болезнь распространялась и на взрослых, чукчам приходилось туго – в этом суровом краю шансы на выживание были невелики, а природа в первую очередь уничтожала самых слабых. В 1920 году на северном побережье Чукотки было мало дичи, и возникла угроза голода. Чукчи традиционно гостеприимны, но, когда в яранге не стало хватать еды, оставаться там Какоту стало проблематично. Вероятно, из-за этого он и поехал сначала искать работу, а найдя ее на «Мод», вернулся за дочерью. В то время у нее была экзема, от которой страдали многие чукотские дети, и тело было покрыто язвочками и ранками.

* * *

Инuitы в Гренландии впервые увидели европейские суда в XIX веке. Один из них описал это зрелище так: «...целые деревянные островки, движущиеся по воде на крыльях; там много домов и комнат, в глубине которых множество шумных людей»²⁰. Как же четырех- или пятилетняя девочка восприняла то, что увидела на борту этого «деревянного островка»? Мы можем об этом судить по впечатлению, которое производит судно и все, что его окружает, на нас, взрослых. На борту Нита впервые ощутила густой запах дегтя и солянки, услышала треск деревянного корпуса «Мод», когда в него упирались льдины. Все – и чужая человеческая речь, и звуки, издаваемые судном, и незнакомые предметы, окружающие ее, – все казалось ей странным. В этот момент Какот вынул дочь из мехового свертка, в котором она лежала на палубе «Мод» холодным зимним вечером, чтобы передать ее чужому человеку²¹. Страдая экземой, она, очевидно, испытывала сильное неудобство или даже боль от таких прикосновений²².

В автобиографии «Моя жизнь. Южный полюс» Амундсен рассказывает, как он услышал, что Какот вернулся с дочерью, и вышел на палубу. Он описывает это следующим образом:

¹⁹ Описание жизни в яранге и традиционного образа жизни береговых чукчей основано на впечатлениях Харальда Ульрика Свердрупа в «Пребывании Х. У. Свердрупа среди чукчей» [Amundsen 1921]. Моменты описания традиционной жизни чукчей также взяты из романа Юрия Рытхэу «Магические числа» (1986); книги Джеймса Форсайта «История народов Сибири: североазиатская колония России» (см.: Forsyth J., *A history of the peoples of Siberia: Russia's north Asian colony*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992 [Forsyth 1992: 69 и далее]).

²⁰ «...целые деревянные островки» – взято из: Kenn Harper, *Give me my father's body: The life of Minik, the New York eskimo*. South Royalton: Steerforth Press, 2000 [Harper 2003: 3].

²¹ Описание того, как Нита поднялась на борт «Мод», основано на [Amundsen 1927: 93–94]; [Amundsen 1920–21, записки от 02.01 и 04.01.1921]; [Sverdrup 1926: 21–22].

²² Указание на экзему, оставившую раны на теле – см. [Amundsen 1927: 94].

«„Где же ребенок?“ – спросил я его. Он указал мне на палубу, где лежал сверток оленьих шкур. „Принеси сюда“, – сказал я. Какот взял сверток и вручил его мне»²³.

До описания этой сцены Амундсен ничего не говорил о Какоте, кроме того, что он некоторое время работал на них, а затем спросил разрешения уехать, чтобы привезти дочь. Не было никаких упоминаний – ни о Ните, ни о соглашениях или переговорах между Какотом и Амундсеном. Описание передачи девочки у Амундсена поразительно короткое: он видит Ниту, заявляет, что хочет взять девочку себе, и получает ее. Как он мог столь резко и категорично, наверное, даже без предварительных обсуждений, высказать подобное желание? И как Какот мог сразу согласиться – казалось бы, без возражений?

Автобиография была написана Амундсеном спустя шесть лет после того, как он забрал Ниту, и мы не знаем, насколько автор точен в своем описании этого события. Неизвестно, была ли его просьба отдать ему девочку столь прямой и категоричной – безо всякой на то видимой причины. Возможно, и Какот не был таким безмолвным. Даты в дневнике Амундсена указывают на то, что передача Ниты произошла не так быстро, как он описал несколько лет спустя в своей книге, в которой он сразу после описания сцены на палубе рассказывает, что норвежцы помыли девочку и коротко остригли, чтобы избавить ее от вшей. В дневнике же Амундсена говорится, что Какот и Нита поднялись на борт 2 января, а о купании и уходе сообщается только через два дня. Передача девочки, возможно, проходила медленнее, сопровождаясь колебаниями и переговорами с Какотом, о чем Амундсену впоследствии не очень хотелось сообщать. Спустя несколько месяцев, когда журналисты захотели узнать, как же это произошло на самом деле, Амундсен ответил, что Какот, похоже, был счастлив избавиться от Ниты²⁴. Через полгода друг Амундсена Фредрик Херман Гаде²⁵ также утверждал, что Какот просто подтолкнул девочку к Амундсену. Он просил «очень искренне Амундсена принять ее в подарок»²⁶, – сообщил Гаде одной норвежской газете. Чем больше проходило времени после этого события, тем однозначнее и понятнее становилась для Амундсена и его окружения эта ситуация, которую они трактовали в свою пользу.

Писать субъективно явно не в стиле Амундсена. Тем не менее его восприятие передачи Ниты весьма очевидно. В «Моей жизни» он предстает как спаситель из ниоткуда, опекун, пришедший на помощь страдающему ребенку. Амундсен взял Ниту на корабль. Обнаружив большое количество экземных язв по всему телу, он с помощниками из членов экипажа обработал их смесью дегтя и спирта. Через несколько дней лечения раны зажили. Экипаж сшил для Ниты одежду и стал ее кормить.

Амундсен взял на себя ответственность за девочку, избавил ее от голода и истощения, экземы и вшей. В то же время мытье и стрижку маленькая девочка и взрослый мужчина наверняка восприняли совершенно по-разному. Для Амундсена это было обычной гигиенической процедурой, Нита же наверняка испытывала шок. До этого времени она жила в семейной чукотской яранге, освещаемой лишь пламенем очага. В кают-компании «Мод» горел беловатый электрический свет, он проникал через все щели; предметы в этом свете практически не отбрасывали тени и казались плоскими. Девочку окружали незнакомые люди, у некоторых на красно-белых лицах было больше волос, чем у чукчей. Разговоры на непонятном языке, боль

²³ Где же ребенок? – см. [Amundsen 1927: 94], здесь цитируется по русскому переводу [Амундсен 2019: 66–67].

²⁴ «похоже, был счастлив избавиться от Ниты» – см. выпуск *Evening World* от 10 января 1922.

²⁵ Фредрик Херман Гаде (1871–1943) – норвежский и американский адвокат и дипломат. Родился в Христиании (Осло) в семье американского консула, в 1888 г. уехал в США, где окончил юридический факультет Гарвардского университета и стал заниматься юридической практикой. После получения независимости Норвегии в 1905 г. был назначен консулом США в Чикаго. В 1910 г. вернулся в Норвегию, впоследствии работал в Бразилии. В 1911 г. Амундсен назвал гору на Земле Королевы Мод в Антарктиде в честь Алисы, дочери Фредрика, – Элис-Гейд.

²⁶ «очень искренне» – см. выпуск *Aftenposten* от 09.19.1922.

в ранах, когда их промывали и накладывали пропитанную лекарствами ткань, – вот первые впечатления Ниты от пребывания на судне.

Амундсен не писал о ее замешательстве и страхе, но Харальд Ульрик Свердруп²⁷ описывал Ниту в первую ночь на борту как «...крошечную, испуганную, продрогшую девчурку лет пяти, которая совсем потонула в нашем большом камышовом кресле и не осмеливалась ничего сказать, а только смотрела на нас огромными карими глазами»²⁸.

* * *

Они звали ее Каконита, «маленький Какот», а часто просто Нита. Маленькая девочка среди больших мужчин. Мы не знаем ее настоящего чукотского имени, а норвежцы, похоже, не интересовались им. «У нее было какое-то совсем невыговариваемое имя и поэтому ее прозвали Каконита, в сокращении Нита»²⁹, – писал Свердруп. Норвежцы стремились к тому, чтобы жизнь девочки на борту «Мод» началась с языковой и культурной «перезагрузки». Свердруп говорил немного по-чукотски, и другие норвежцы тоже знали несколько слов. Но в целом ее жизнь на шхуне, конечно, резко отличалась от той, к которой она привыкла у себя дома.

Норвежцы сделали ей маленькие солнцезащитные очки, миниатюрную версию своих собственных. Она ела вместе с ними, они по очереди мыли ее каждый вечер. Спала Нита в каюте Амундсена. Норвежцы сшили ей одежду: нижнее белье, обувь и варежки, а также комбинезон – цельный костюм из оленьей шкуры с капюшоном на подкладке³⁰.

На фотографиях, сделанных в первые дни пребывания Ниты среди норвежцев, видно ее подавленное состояние и доброжелательное отношение к ней экипажа. Оправившись от первой встречи с чуждым ей миром на «Мод», она стала живой и общительной девочкой. Нита всегда выглядит подвижной, активной и любознательной – даже на тех фотографиях, где она сидит, позируя. Она крутится на месте, постоянно хочет что-то сказать – словом, она такая, какими бывают все маленькие дети спустя некоторое время после того, как фотограф попросит их посидеть тихо.

Сохранилось большое количество фотографий экспедиции «Мод»; на большинстве из них, сделанных в 1921 году, – Нита. С одной стороны, эти фотографии напоминают те, которые обычно делаются для семейного просмотра. В то же время они предназначались и для широкой публики – для всех, интересующихся экспедицией. Все эти фотографии могли быть впоследствии проданы журналистам, чтобы частично возместить расходы на экспедицию.

Некоторые снимки сделаны на льду: на них Нита – маленькая, энергичная точка на фоне белой пустыни. На одном из снимков она держит шар-пилот, который Свердруп использовал для исследования высоких слоев атмосферы. Выпусти она его – и он исчезнет навсегда. Она понимает: летают не только птицы – есть вещи, сделанные человеческими руками, и их надо крепко держать, чтобы они не исчезли навсегда.

²⁷ Харальд Ульрик Свердруп (1888–1957) – норвежский ученый, океанограф, руководитель научных исследований на «Мод», впоследствии – директор Института океанографии имени Скриппса (США).

²⁸ «...крошечную, испуганную...» – см. [Sverdrup 1926: 21]. Здесь цитируется по русскому изданию [Свердруп 1930: 16].

²⁹ «У нее было...» – см. [Sverdrup 1926: 31]. Цит. по [Свердруп 1930: 16]. В этой книге использовано имя Нита Какот Амундсен, хотя в источниках чаще всего встречается Каконита. Причина в том, что, будучи взрослой, в публичных выступлениях она называла себя Нита Амундсен или Нита Какот Амундсен, пока не вышла замуж и не взяла фамилию Вайланкур. См., например, архивную карточку Ниты Амундсен, 1926, Алфавитный указатель иностранцев, прибывающих в Игл, Хайдер, Кетчикан, Ном и Скагуэй, Аляска, июнь 1906 – август 1946; Архивная серия M2016; Список: 1. Национальное управление архивов и документации, Вашингтон, округ Колумбия. См. также пункты пересечения границы между США и Канадой 1908–1935 гг., например, Пограничные записи, Список: T-15367, Библиотека и архивы Канады.

³⁰ Описания взаимодействия между Нитой, Амундсеном и экипажем в то время, когда Нита была на борту «Мод», по большей части основаны на [Amundsen 1920–21, особенно записи от 1921: 21.02, 19.02, 20.02, 07.03, 20.03, 13.04, 19.04, 21.04, 25.04].

Нита в одежде, которую ей сшили норвежцы. 1921 г.³¹

³¹ Фотография: Нита в одежде, которую ей сделали норвежцы. Неизв. фотограф, 1921. НБ, NPRA 3032, архив фотографий Руала Амундсена.

Нита на палубе «Мод». 1921 г.³²

³² Фотография: Нита на палубе «Мод». Неизв. фотограф, 1921. НБ, NPRA3033, архив фотографий Руала Амундсена.

Нита с шаром-пилотом. 15 мая 1921 г.³³

³³ Фотография: Нита с шаром-пилотом. Неизв. фотограф, 15.05.1921. НБ, NPRA 2153, архив фотографий Руала Амундсена.

Нита начала учить норвежские слова, разговаривая с носителями языка – и это быстро принесло успех. Амундсен и другие норвежцы общались с ней так же, как и с другими представителями коренных народов полярных регионов. Для них она была экзотическим и забавным персонажем, но в то же время предоставляла совершенно новые возможности для человеческого общения. Амундсен, проявляя заботу о ней, получил шанс восстановить контроль над обстановкой на шхуне. Так разрядилась царившая на «Мод» последнее время атмосфера безысходности и конфликтности. И это положительное событие – безусловная заслуга Ниты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.